

21.06.2001

354

Разлогов Кирилл

Екатерина Сальникова

«На фестивале соревнуются не страны, а режиссеры», — считает Кирилл Разлогов. Председатель отборочной комиссии Московского Международного кинофестиваля поделился с «НГ» своим взглядом на фестивальные программы 2001 года.

КИРИЛЛ ЭМИЛИЕВИЧ, что нас ожидает в этом году? Каким будет имидж фестиваля?

У Московского фестиваля свой имидж уже давно сложился. Хороший или плохой — другой вопрос. Но уходить от него далеко в сторону не имеет смысла. Москва располагается на перепутье разных миров — Ближний Восток, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Россия, Запад. Положение Советского Союза обязывало уделять больше внимания Латинской Америке. Советская эпоха закончилась. Но традиции сохранились, и в конкурсе есть аргентинское кино. Африканское кино идет во внеконкурсном показе. Хотелось бы, конечно, ввести африканскую картину в конкурс. Но я посмотрел ее в последний момент, и в конкурс включать ее было уже поздно. Широта горизонтов для сегодняшнего кино очень важна. Ведь диапазон проката все более сужается. А фильмы, которые срывают кассы во всем мире, в том числе и у нас, — это 20 картин в год, и все в основном голливудские. Поэтому задача всех фестивалей — расширять диапазон. И мы пытаемся расширять его предельно.

— Будут ли качественные перемены в программах?

Конкурсная программа достаточно сильно отличается от прошлогодней. В прошлом году нас упрекали, что конкурс пресный. Все фильмы плоские, как гладильная доска, и одинаковые — среднего европейского уровня. Ничего такого, что бы удивило или ошарашило. Не знаю, понравится ли, но в этом году конкурс подобен американским или русским горкам. Картины очень разноплановые, нередко шокирующие. На этот раз значительно шире представлена Юго-Восточная Азия. Из картин действительно оригинальных я бы назвал «Слепых» — венгерский фильм, созданный для слепых. Но понятно, что вместе с тем это авангардистский эксперимент. Вы видите изображение и субтитры, но одновременно вам рассказывается все, что происходит на экране. Петер Тимар — один из уважаемых лидеров венгерского кино. Исключительность здесь гарантирована заранее.

Второй весьма оригинальный фильм, которого мы ждали почти

В программе ХХIII ММКФ впервые нет российской картины

ШИРОТА И ШОК

Четвертисекунд 2001. — 21 июня. — С. 7.

Наталья Андрейченко дирижирует фестивальной толпой.
Москва, 2000.

два года, — это «Реальный вымысел» корейского режиссера Ким Кидука. Он снимал свое кино в течение всего трех часов — но зато сотней камер. Потом переводил на цифровое видео. Потом монтировал. В прошлом году нам этого фильма не дали. А в этом он попал в конкурс.

— Из таких картин состоит весь конкурс?

— Далеко не весь. Более традиционна по фактуре гонконгская картина «Пионовая беседка» Юньфани. Классический сюжет и оперные страсти — начало XX столетия: Гонконг, разрыв, лесбийская любовь. Одним словом, их «серебряный век».

Будут и более ровные фильмы. Например, голландские и шведские картины, вполне соответствующие нашим представлениям о скандинавском кино. Будут и картины, обращенные прежде всего к широкому зрителю. Среди них —

«Мадемузель», очень трогательное французское кино с простыми человеческими чувствами. Сейчас во Франции «Мадемузель» побивает все рекорды посещаемости. К этому же разряду я бы отнес фильм Сергея Бодрова-старшего, который по-английски называется «Quickie», а на русский режиссер перевел это слово длинной фразой «Давай сделаем это по-быстрому», сохранив в русском названии еще и английский вариант. В этом фильме на русскую тему играет российская звезда Владимир Машков, американская звезда Дженифер Джейсон Ли, а сделана картина преимущественно на европейские деньги. Картина обращена, я бы сказал, прежде всего к российской аудитории, хотя делался фильм в расчете на мирового зрителя. Это, как всегда у Бодрова, хорошая профессиональная работа.

— Как вы прокомментируете то,

что в конкурсе нет российской картины? Это катастрофично?

— На Берлинском фестивале немецкой картины в конкурсе не бывает три года из четырех. И никакой трагедии для германского народа это не представляет. Кроме того, я всегда это повторяю, на фестивале соревнуются не страны, а режиссеры. А русский режиссер, русские актеры и русская тематика в конкурсе есть. Откуда получили деньги — дело десятистепенное. На прошлом фестивале у нас была чисто русская картина Павла Лунгина, сделанная на французские деньги. В этом году есть на восемьдесят процентов русская картина Бодрова, русская и по атмосфере, и по подходу, и по трактовке темы. Штамп какой страны при этом имеет картина, для киноискусства неважно. Штамп значим для органов, занимающихся кинематографией. И ситуация в этом году была действительно довольно сложная и для них, и для нас. Я хотел, чтобы российской картиной открывался фестиваль. Такой картины мы не нашли. Ведь условия участия у нас достаточно строгие. Все картины ММКФ не должны показываться в России до самого фестиваля. Мы отобрали одну картину — «Место на земле» Артура Аристакисяна. Но потом — уже не мы — предложили отдать ее на Каннский фестиваль. Я этому особо не противился, понимая, что режиссеру для его карьеры, возможно, важнее показ в Канне, чем на ММКФ. Следующий вариант — те картины, которые мы могли бы показать в конкурсе, но которые вышли на экраны раньше. Это «В августе 44-го» Михаила Пташука и «Сестры» Сергея Бодрова-младшего. Особенно обидно, что они вышли в прокат буквально накануне фестиваля. Ничто не мешало немного задержать их выпуск и включить в ММКФ. Еще три картины не были закончены в срок. Этого не случилось бы, если бы их финансировали своевременно, если бы с режиссерами вовремя велись переговоры. Но в нынешнем году так оказалось, что единственный, кто сделал хорошую картину и сделал ее в срок, был Сергей Бодров-старший.

— Что надо делать, чтобы российские картины в конкурсе были?

— Не обязательно именно фестивалю делать для этого первый шаг. Люди, которые снимают фильмы в нашей стране, знают, что ММКФ состоится в определенные сроки. Почему-то фирма «XX century Fox» это очень хорошо помнит. Нам звонят оттуда и

говорят: у нас готовятся к выпуску определенные картины. И мы бы хотели показать у вас на открытии, закрытии, в конкурсе следующие фильмы. Мы приезжаем к ним, они нам показывают картины, и начинаются переговоры. Почему-то эта компания помнит, что есть ММКФ и его надо каким-то образом использовать. Во Франции вся кинематография замирает накануне Канн... Но то, что российских картин нет в конкурсе, не значит, что хороших картин у нас нет вообще. Это значит, что хорошие картины «попали в расхол» по другим статьям. Во всяком случае думать, что хорошая российская картина на ММКФ нужна, должен в первую очередь не фестиваль, а те, кто делают фильмы, финансируют фильмы, организуют кинопроизводство и занимаются прокатом.

— Как строится ваша программа «Социалистический реализм вчера и сегодня»?

— Уже давно говорится, что ведущим направлением в западном кино, массовом или эстетическом, оказывается социальный реализм. Но в социальном реализме есть такая разновидность, как реализм социалистический. В нем обличение несправедливости буржуазной жизни сочетается с пафосом наядды, что в будущем будет лучше. Настоящее рассматривается с точки зрения будущего. Если мы обратимся к такой знаменитой картине, как «Эрин Брокович», мы увидим, что там живет эта модель. Поэтому я решил сопоставить старые отечественные картины с новыми, сделанными в разных странах, и показать, каким образом принципы социалистического реализма не только не умирают, но, наоборот, возрождаются.

— А что будет показано на открытии ММКФ?

— «Амели» Жан-Пьера Жене — очень трогательная история, сказка для взрослых, которая в силу разных обстоятельств не попала в Канн и которая очень хороша для открытия кинофестиваля.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Разлогов Кирилл Эмилиевич — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, академик РАЕН, член Российской академии Интернета, член Академии кинематографических искусств «Ника». Родился в 1946 году. Закончил исторический факультет МГУ (отделение истории и теории искусств) в 1969-м. Директор Российского института культурологии, директор программ ММКФ.